

И.С. Кравченко

Харьковский национальный университет радиоэлектроники,
асп. кафедры философии

СПЕЦИАЛЬНОНАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье анализируется возможность применения разработанного В.С. Степиным концепта специальнонаучной картины мира к исторической дисциплине. В исторической науке, так же как в естественных дисциплинах, существуют «идеальные объекты» дисциплинарной онтологии. Однако в исторической науке дисциплинарная онтология теряет изначальный онтологический статус, превращаясь в субъективный «образ реальности» исследователя.

Ключевые слова: специальнонаучная картина мира, дисциплинарная онтология, идеальные объекты теоретических схем, историческая реальность.

І.С. Кравченко

СПЕЦІАЛЬНОНАУКОВА КАРТИНА СВІТУ ІСТОРИЧНОЇ ДИСЦИПЛІНИ: ДО ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМИ

У статті аналізується можливість застосування розробленого В.С. Степином концепта спеціально наукової картини світу по відношенню до історичної дисципліни. В історичній науці, як і в природознавстві, існують «ідеальні об'єкти» дисциплінарної онтології. Однак в історичній науці дисциплінарна онтологія втрачає первісний онтологічний статус, і перетворюється на суб'єктивний «образ реальності» дослідника.

Ключові слова: спеціальнонаукова картина світу, дисциплінарна онтологія, ідеальні об'єкти теоретичних схем, історична реальність.

I. Kravchenko

THE SPETIAL SCIENTIFIC PICTURE OF THE WORLD IN THE HISTORICAL DISCIPLINE: TOVARDS THE FORMULATION OF THE PROBLEM

In this paper the possibility of application of the notion of 'special scientific picture of the world in the historical discipline is discussed. The disciplinary ontology of historical science, as well as of natural sciences, has its ideal objects. But in historical science disciplinary ontology loses the ontological status and becomes a subjective historian's «image of reality».

Key words: special scientific picture of the world, disciplinary ontology, ideal objects of theoretical schemes, historical reality.

«Нас берет в плен Картина. И мы
не можем выйти за ее пределы,
ибо она заключена в нашем языке,
и тот как бы нещадно повторяет ее нам».

(Л. Витгенштейн,
Философские исследования, 115.)

Становление постнеклассической рациональности обуславливает изменение статуса исторического познания, а соответственно – необходимость пересмотра представлений о структуре и динамике знаний в исторической дисциплине. Категория «научная картина мира» достаточно прочно вошла в современный отечественный философский и научный словарь – однако преимущественно по отношению к естественным дисциплинам. Тем не менее, общие представления и схемы исследования

реальности, напоминая по своему строению и функциям научную картину мира, имеют место и в исторической дисциплине, хотя, как правило, не конституируются в качестве особой системы знания, как в методологии естественных наук. Отсутствие рефлексий онтологических оснований, однако, является одним из факторов, удерживающих современную историческую дисциплину в состоянии кризиса. Исследований, посвященных исторической картине мира, чрезвычайно мало [1], причем и в существующих работах историческая картина мира характеризуется, как правило, в рамках гуманитарной картины [4]. Таким образом, представляется *актуальным* проанализировать эвристический потенциал разработанного концепта «научной картины мира» применительно к исторической дисциплине, что и определяет *цель* настоящего исследования.

Условиями появления в философии понятия «научной картины мира» послужили революционные сдвиги в естествознании на рубеже XIX—XX веков, когда впервые был поставлен вопрос об онтологическом статусе фундаментальных абстракций, ранее воспринимавшихся исследователями как адекватное отражение фрагментов объективной реальности. По словам М. Планка, понятие картины мира стали употреблять, боясь иллюзии отождествления теоретических объектов и реальности [5, с.40]. А. Эйнштейн отмечал: «человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимаются художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему» [9, с.40].

Под «картиной мира», таким образом, стали подразумеваться некие *мировоззренческие структуры*, находящиеся в фундаменте культуры определенной эпохи. Прилагательное «научная» призвано было подчеркнуть, что мировоззрение человека должно опираться на совокупность полученных научных результатов, а сам термин «картина» является данью ранним представлениям о синтезе знания как наглядной красочной картины природы, в которую наука вносит все новые краски и детали. В такой трактовке «научная картина мира» тождественна понятиям «образ», «модель», «видение» реальности или же «научное мировоззрение», где под «мировоззрением» понимается буквально «воззрение на мир».

Критики справедливо указывали на то, что таким образом понимаемая научная картина мира является «гетерогенным аналитическим объектом», из которого весьма проблематично отделить сконструированную «модель» от «сокровенных убеждений человека». Стремление избежать указанного недостатка способствовало обращению к исследованию *научного знания самого по себе* и разработке «узкой» концепции научной картины мира как горизонта систематизации знаний, «системы подсистемы идеальных объектов теоретических схем», дисциплинарной онтологии (обще- или специальнаучной), что и было во многом реализовано В.С. Степиным и представителями его школы [3, с.296-298]. Однако – и на этом следует сделать логическое ударение – научная картина мира всегда рассматривалась как некое приближение к реальности, как совокупность соответствующих элементов объективной реальности, позволяющих – до определенного момента – отождествлять эту картину с самим миром. Еще М. Планк отмечал, что Коперник, Кеплер, Ньютон, Гюйгенс, Фарадей и другие выдающиеся исследователи сделали свои открытия только благодаря тому, что «опорой всей их деятельности была незыблемая уверенность в реальности их картины мира» [5, с.40]. В течение XX века, с развитием науки и усложнением междисциплинарных связей обозначился переход от понимания научной картины мира как красочного образа к аналитической схеме-образу. Так, В.С. Степин, который в отечественной философии внес наиболее существенный вклад в разработку концепта научной картины мира, стал понимать научную картину мира как теоретический образ объективной действительности, но отнюдь не отказался от его онтологического статуса. Характерно, что философ

подчеркивает разницу между «абстрактными» объектами теоретических схем и «эмпирическими» объектами. Абстрактные объекты являются идеализациями, «логическими реконструкциями» действительности, их признаки могут не соответствовать свойствам и отношениям реальных объектов, тогда как эмпирические объекты фиксируют признаки реальных предметов опыта, тем самым обеспечивая научной картине мира онтологический статус и связь с реальностью.

Современные представления о структуре и функциях научной картины мира были практически полностью сформированы на материалах естественных наук, преимущественно физики – науки, наиболее развитой теоретически. Можно ли адаптировать эту концепцию в проблемное поле исторической дисциплины?

Отстаивая идею об «универсальности» разработанного концепта дисциплинарной онтологии, В.С. Степин обосновывает существование «различных уровней систематизации знания в научной картине мира». Это, во-первых, особый горизонт систематизации знаний, полученных в различных науках, общая научная картина мира, которая выступает в качестве целостного образа мира, включающего представления и о природе, и об обществе. Во-вторых, понятие научной картины мира может быть использовано для обозначения системы представлений о природе, складывающихся в результате анализа достижений комплекса естественнонаучных дисциплин (аналогичным образом – для обозначения совокупности знаний, полученных в гуманитарных науках). В-третьих, им может быть обозначен горизонт систематизации знаний, которые сложились на определенном этапе развития любой отдельной науки, в том числе и гуманитарной. Поскольку и историческое познание, и познание в природоведческих дисциплинах является научным, методология «вполне может переносить модели, разработанные в одной сфере познания на другую, а затем корректировать их, адаптируя к специфике нового предмета» [6, с. 137]. К тому же, в условиях становления постнеклассической рациональности казавшиеся ранее фундаментальными различия между естественными и гуманитарными науками во многом сгладились. Споры об «особом эпистемологическом статусе» исторической науки поутихли. Было признано, что в исторической дисциплине правомерно выделять не только эмпирический, но и теоретический уровень познания, но теории исторической дисциплины обладают определенной спецификой. В отличие от естественнонаучных теорий, которые излагаются как совокупность общих законов, выраженных, по возможности, как цепь уравнений, исторические теории излагаются как последовательность событий, следующих друг за другом во времени. В естественнонаучных теориях широко используются специализированные языки, тогда как в исторических – «обычные» языки. Естественнонаучные теории формулируются как иерархия логически связанных предложений, как «выводные» знания, а исторические – как «беспредпосылочное» описание действий и событий [10, с. 76].

В силу указанных особенностей исторические теории хуже поддаются методологическому анализу, однако безусловно, что «абстрактные объекты», на основании которых конструируется дисциплинарная онтология, в них выделить можно – в противном случае историческая дисциплина была бы простым «вместилищем» исторических фактов, а выводов о тех или иных событиях прошлого попросту бы не существовало.

Таким образом, поскольку существование абстрактных объектов теоретических схем в исторической науке не подлежит сомнению, представляется возможным выделить на их основании и «идеальные объекты», имеющие онтологический статус и являющиеся «каркасом» определенным, апробированным ранее понятиям, для которых историк «подготавливает» конкретную описываемую ситуацию или событие.

Однако процесс конструирования дисциплинарной онтологии в исторической науке сопряжен с немалыми трудностями, главная из которых состоит в том, что объект исторического исследования – прошлое – не существует непосредственно.

Вопрос о дисциплинарной онтологии исторической науки неминуемо затрагивает более обширную проблему – проблему исторической реальности. Выделение «идеальных объектов», имеющих онтологический статус (а соответственно, признание того, что мы имеем пусть неполные, но непосредственные знания о прошлом «как оно было»), подразумевает сведение проблемы *исторической реальности* к проблеме *исторической достоверности*, когда признается, что прошлое, хотя и является объектом, чрезвычайно сложным для изучения, концептуально не отличается от объектов изучения других наук. Прошлое – то, что было – в этом случае понимается как то, чего *уже* нет сейчас, а значит есть, но в иной действительности, *действительности прошлого*, из которой ученый-историк реконструирует отдельные события. Однако, поскольку в исторической действительности «как она была на самом деле», наличествует бесконечное число событий, постольку стремление к предельной объективности реализуется путем поиска предельного элементарного объекта системы исторического знания или «исторического факта». Каждый элементарный «исторический факт» не только является частью целого, но и сам является сложным целым, которое можно разложить на бесконечные составные части. Соответственно, структура таким образом понимаемого исторического знания будет представлять собой бесконечную цепь добавлений и уточнений «исторических фактов», а дисциплинарная онтология, некогда единая, с развитием исторической науки будет все более и более фрагментированной и подверженной флуктуациям.

Впрочем, прошлое – «то, что *произошло*» можно понимать не только как то, что отсутствует непосредственно сейчас, в действительности настоящего, но и *вообще*. Реальность прошлого не дана непосредственно – места, в котором «хранится» история, в строгом смысле не существует. Уже произошедшие события нельзя воссоздать, реконструировать, они могут быть лишь непосредственно пережиты историком вслед за стилистикой источников. Современные философы истории практически единодушно сходятся во мнении, что историческая реальность – не данность, а разделяемое соглашение [2, с.148], эмпирическая база исторической науки всегда строится на интерпретациях данных исторических источников, и эти интерпретации всегда будут различными. При таком понимании дисциплинарное поле исторической дисциплины оказывается ничуть не менее, а возможно, даже более подвержено флуктуациям, чем в случае объективистского понимания исторического процесса.

Историческая дисциплина, однако, отнюдь не является единственной областью научного знания, где познание осуществляется как интерпретация. Сегодня стало очевидным, что эмпирический базис естественных наук так же является теоретически нагруженным – естествоиспытателю, чтобы получить эмпирический факт, необходимо, при помощи полученных ранее теоретических знаний, истолковать опытные данные.

Представляется, что уже само понимание мира как картины предполагает познание как интерпретацию [7, с. 58-60], в связи с этим важнейшей *онтологической* функцией научной картины мира является, таким образом, выделение, фиксация более-менее устойчивых элементов знания в непрерывном процессе «познания как интерпретации». Применительно к естественным наукам можно говорить об устойчивом балансе между уровнем интерпретации и флуктуациями дисциплинарной онтологии, являющимися неизбежным следствием интерпретаций. Картины мира естественных наук являются довольно стабильными единицами -так, традиционно выделяют *всего три* физических картины мира: классическую, неклассическую и постнеклассическую.

Есть ли такой баланс в гуманитарном, в частности, историческом, знании, где понимание познания как интерпретации привело к парадоксальной ситуации, когда исторический *факт* оказался тождественным *вымыслу*? Не станет ли обратной стороной стремления выделения, фиксации более-менее устойчивых элементов в непрерывном процессе «поиска новых значений» усиление флуктуаций на «территории исторического»?

Представляется, что, поскольку дисциплинарная онтология представляет собой форму, в которой «интегрируются и систематизируются конкретные знания», она сама в некотором смысле является флуктуирующим полем, и уровень флуктуации тем выше, чем выше уровень интерпретации. Если понимать под «специальнонаучной картиной мира исторической дисциплины некую «идеальную модель» прошлого, включающую наиболее общие понятия, принципы и гипотезы исторической науки, содержащую представления о структуре «территории исторического», ее фундаментальных объектах, их типологии и общих закономерностях взаимодействия, необходимо заключить, что такие модели довольно часто сменяются. Более того, как показывает практика, несколько таких моделей вполне успешно могут сосуществовать параллельно. Косвенное доказательство этого мы находим в существовании нескольких конкурирующих версий, «проектов», например, украинской истории.

Таким образом, сложилась в некотором роде парадоксальная ситуация: в ситуации «познания как интерпретации» для исторической науки дисциплинарная онтология, призванная стать связующим звеном между реальностью и теоретическими конструктами, теряет свой изначальный онтологический статус, превращаясь в более или менее произвольное «создание нашего ума». Выход из тупика предельной субъективизации «исторической реальности», которая растворяется в вымыслах/фантазиях исследователя, возможен лишь при условии обращения к другой, *мировоззренческой* стороне исторической картины мира, задающей ценностный и диалогичный характер познания.

Перечень ссылок

1. Данилова В.С., Кожевников Н.Н. Философия истории на пути к формированию исторической картины мира [Текст] / В.С. Данилова, Н.Н. Кожевников // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2001. – №2. – С. 150-155.
2. Гавришина О.В. Историческая наука в ситуации «постмодерна». По материалам работы Ф.Р. Анкерсмита "Эффект реальности в трудах историков" (Обзор концепции) [Текст] / О.В. Гавришина // Культура и общество в Средние века – раннее Новое время. Методология и методики современных зарубежных и отечественных исследований. Сб. аналит. и реф. обзоров – М.: 1998.
3. Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: предварительные итоги. [Текст] / Е.А. Мамчур. – М., 1997.
4. Первушина О.В. Концепт «картина мира» в системе культурологии и социально-гуманитарных наук [Текст] / О.В. Первушина // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – №5. – С. 148-153.
5. Планк М. Единство физической картины мира. [Текст] / М. Планк. – М., 1966.
6. Степин В.С. Теоретическое знание. [Текст] / В.С. Степин. – М., 2001.
7. Хайдеггер М. Время картины мира [Текст] М. Хайдеггер.- Время и бытие: статьи и выступления – СПб., 2007.
8. Хуторянская А.Д. Картина мира в гуманитарной науке [Текст] / А. Д. Хуторянская // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2010. – №1. – С. 204 – 208.
9. Эйнштейн А. Мотивы научного исследования [Текст] / А. Эйнштейн. – Собрание научных трудов. Т.4. Статьи, рецензии, письма. Эволюция физики – М., 1967.
10. Уйбо А. Реконструкция исторического прошлого как междисциплинарная задача [Текст] / А. Уйбо // Ученые записки Тартуского университета. Труды по философии. Серия: Смысловые концепты историко-философского знания – 1990. – № 35. – С. 76-92.